

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.47475/1994-2796-2024-490-8-68-77

ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ДИСКУРСЕ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Ульяна Анатольевна Жаркова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, germancsu@gmail.com, 0009-0005-7654-6821

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвистической природы совокупности идентитарных феноменов: идентичности, идентификации, самоидентификации. В статье обосновывается продуктивность дискурсивного подхода к изучению данного комплекса понятий, а также постулируется центральная позиция медийного дискурса как источника материала для идентитарных исследований. Выявлена корреляция противопоставления дискурсивной практики и коммуникативной стратегии и оппозиции самоидентификации и самопрезентации по основанию прагматической нагруженности и интенциональной специфики. Коммуникативно-дискурсивное поведение художника в медиасреде рассматривается с точки зрения специфики бытийной концептуальной доминанты в мировоззрении творческой личности, а также с учётом влияния позиции интервьюера, способной придавать интенции самоидентификации реактивный характер — провоцировать саморефлексию извне. Применительно к материалу интервью с современными художниками идентификация концептуализируется автором как дискурсивная практика, для которой характерно амбивалентное взаимодействие формирования многоуровневой идентичности в процессе саморефлексии и структурирования идентичности по запросу интервьюера. Построена модель идентичности художника, выявлены основные субидентичности, формирующие профессиональный уровень модели: креативная, видовая, жанровая, статусная, концептуальная, стилевая. Во взаимосвязи с актуализацией элементов модели описаны дискурсивные механизмы реализации дискурсивной практики самоидентификации, получающими для данного социокультурного профессионального сообщества статус дискурсивных правил: реализация самоидентифицирующей формулы за счёт предикации идентификатора на глубинном уровне, отстранение от стереотипов и предустановок социума — самоидентификация через негативный предикат, отказ от возвеличивания (авторская скромность), фокусирование на мотивах самоидентификации. Выявлены языковые средства, посредством которых реализуются указанные дискурсивные механизмы.

Ключевые слова: самоидентификация, дискурсивная практика, дискурсивный механизм, медийный дискурс, моделирование идентичности, субидентичность

Для цитирования: Жаркова У. А. Дискурсивная практика самоидентификации творческой личности в дискурсе СМИ (на материале русского и немецкого языков) // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 8 (490). С. 68–77. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-490-8-68-775.

Original article

DISCURSIVE PRACTICE OF SELF-IDENTIFICATION OF A CREATIVE PERSON IN MEDIA DISCOURSE (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES)

Uliana A. Zharkova

State University of Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russia, germancsu@gmail.com, 0009-0005-7654-6821

Abstract. The article is devoted to the study of the linguistic nature of a set of identity phenomena: identity, identification, self-identification. The article substantiates the productivity of the discursive approach to the study of this set of concepts, and the centrality of media discourse as a source of material for identity studies is postulated. The correlation between the opposition of discursive practice and communicative strategy and the opposition of self-identification and self-presentation on the basis of pragmatic load and intensional specificity is revealed. The communicative and discursive behavior of the artist in the media environment is considered from the point of view

© Жаркова У. А., 2024

of the specificity of the being conceptual dominant in the worldview of a creative person, as well as taking into account the influence of the interviewer's position, which can give self-identification a reactive character. Applied to the material of interviews with contemporary artists, identification is conceptualized by the author as a discursive practice characterized by ambivalent interaction between the formation of multilevel identity in the process of self-reflection and the structuring of identity at the request of the interviewer. The model of the artist's identity is constructed, the main sub-identities forming the professional level of the model are revealed: creative, species, genre, status, conceptual, and style. In correlation with the actualization of the elements of the model the discursive mechanisms of realization of the discursive practice of self-identification are described, which receive for this socio-cultural professional community the status of discursive rules: realization of the self-identifying formula at the expense of predication of the identifier at the deep level, detachment from stereotypes and presets of the society – self-identification through a negative predicate, refusal from exaltation (author's modesty), focusing on the motives of self-identification. The linguistic means by means of which these discursive mechanisms are realized are revealed.

Key words: discursive practice, discursive mechanism, self-identification, media discourse, modeling of identity, subidentity

For citation: Zharkova UA. Discursive practice of self-identification of a creative person in media discourse (based on the material of Russian and German languages). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(8(490): 68-77. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-490-8-68-77.

Введение

Множество современных трудов по лингвистике в качестве объекта исследования выбирает феномены, имеющие не собственно лингвистическую природу: стереотип, гендер, идентичность. Зачастую подобные понятия не приобретают определённого лингвистического статуса в силу того, что языковеды предлагают для них в лучшем случае косвенную дефиницию, а чаще всего и вовсе никакой. Дискурсологическая парадигма в языкознании, на наш взгляд, является наиболее открытым для решения данной проблемы подходом. Современный дискурс-анализ, как представляется, всё реже ориентирован на изучение феномена «дискурсивности» и выявление свойств разных типов дискурса и всё чаще определяет в качестве предмета исследования бытие в дискурсах разной природы тех или иных категорий, понятий, моделей. Одной из таковых можно по праву считать идентичность, статус которой в трудах по лингвистике требует конкретизации.

Понимание идентификации как динамического феномена психосоциальной природы с неизбежным речевым воплощением лежит в основе дискурсивного подхода в идентитарных исследованиях. С одной стороны, идентичность субъекта формируется в дискурсивном пространстве как многоуровневая структура — в данном аспекте релевантными факторами для анализа являются условно симультанные характеристики личности: возраст, социальное происхождение, профессия и др. Так, для настоящего исследования выбрана практика самоидентификации творческих личностей из области современного визуального

искусства — поиск себя, так характерный для художника, неизбежно сопряжён с ответом на вопрос: «Кто я?» и моделированием концептуального «Я-образа». С другой стороны, идентификация ситуативна и детерминирована типом дискурса, в котором она конструируется — устного или письменного, аудиовизуального и семиотически нагруженного, медийного или художественного и пр. Процесс самоидентификации в рамках дискурса СМИ рассматривается в данной работе с учётом диалогичной природы медийных текстов, актуализирующих отношения художника и социума.

В рамках постулируемого для данного исследования дискурсивного подхода основной целью анализа стало выявление основных способов конструирования идентичности художника в рамках медийного дискурса — дискурсивных механизмов и правил, имеющих текстопорождающий и смыслоформирующий потенциал.

Проблема статуса идентитарных феноменов в дискурсивных исследованиях

В качестве дискурсивного пространства принято рассматривать множество текстов, объединённых общими правилами порождения и функционирования, однородных по тому или иному основанию, а изучение этого множества наиболее целесообразно, как минимум, в социокультурном и историческом контекстах. Наряду с социально-психологическими практиками интервьюирования медийный дискурс можно считать наиболее специфицированным для конструирования идентичности. Несмотря на то, что в лингвистике отмечаются трудности в определении границы

медийного дискурса в силу разнородности каналов передачи информации в медиасреде или безграничного жанрового многообразия, можно утверждать, что существование медиадискурса как совокупности процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия бесспорно [2]. Дискурсивный подход к медиатексту позволяет наблюдать, как происходит конструирование знаний, перевод их с институционального уровня на бытийный, видеть, как переплетаются типы информации и реализуются те или иные коммуникативные стратегии.

Понимаемый таким образом феномен медийного дискурса, как и постулирование дискурсивной природы идентичности предполагает перенос фокуса научного анализа с «объективации» идентичности на её *структурирование* в рамках дискурса посредством определённых механизмов [3].

В лингвопрагматической парадигме сложилась традиция установления корреляции между самопрезентацией и самоидентификацией. М. А. Лаппо считает, что следует разграничивать самопрезентацию, самоидентификацию и самохарактеризацию как, соответственно, поверхностные и более глубокие слои выражения личности и осмысления своего существования. Самохарактеризация определяется как акт оценки себя, описания своих личностных качеств, а самоидентификация как акт причисления себя к группе (10, с. 35). Дифференцируя направленность на себя и направленность на адресата, автор постулирует самопрезентацию как экстравертный компонент самоидентификации в широком смысле.

Посредством речи осуществляется прямое или косвенное воздействие на её адресата: его мировосприятие, эмоциональный настрой, коммуникативное или иное поведение. Изменение в последних может считаться результатом воздействия, основанного на определённой — осознаваемой или неосознанной — интенции, реализованной в речевом акте. Дифференциация целенаправленного и непреднамеренного воздействия воплощается, на наш взгляд, в применимости к тем или иным дискурсивным высказываниям понятия коммуникативно-прагматической стратегии — комплекса речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели [7]. Специфика медиадискурса состоит в том, что любой акт речи обладает воздействующим потенциалом и может повлиять на картину мира и коммуникативное поведение аудитории, однако в случае с самоидентификацией это не являет-

ся доминирующей интенцией адресата. Именно этот подход определяет терминологический фокус настоящего исследования — термины «стратегии» и «тактики» представляются прагматически более нагруженными, чем более широкие понятия дискурсивной практики и дискурсивного механизма.

Выяснить, насколько это утверждение релевантно для дискурса личности современного художника, являющегося публичным медиафеноменом — задача настоящего исследования. Для нашего анализа опорным тезисом в концепции полиинтенциональности дискурса является указание на взаимосвязь социокультурных и психологических факторов, детерминирующих коммуникативно-дискурсивное поведение адресата: языковая личность художника воплощает в том числе такие прагматические характеристики, как склонность к саморефлексии и концептуализация бытия в творчестве в большей степени, чем в публичном дискурсе. Это не может не повлиять на процесс самоидентификации творческой личности.

Для более полного раскрытия предмета исследования нам представляется продуктивным обращение к понятию дискурсивной практики. Можно с уверенностью сказать, что этот термин всё ещё имеет в науке размытый характер. Истоки данного понятия традиционно находятся в трудах М. Фуко, Т. Ван Дейка, Ю. Хабермаса, Л. Витгенштейна, благодаря которым формируется представление о социально-историческом, идеологически ориентированном характере дискурсивных практик [1; 8]. Представляется, что некоторые лингвисты-дискуртологи вкладывают в данный термин смыслы, позволяющие отождествлять дискурсивную практику с жанром [6], а в ряде случаев описывают дискурсивные практики подобно коммуникативным стратегиям [5]. Тем не менее, в рамках терминологически-сопоставительного анализа Е. А. Никоновой удалось обосновать основные различия в понимании дискурсивной практики и коммуникативной стратегии [13]. Наблюдения автора представляются чрезвычайно продуктивными для выбора понятия дискурсивной практики в качестве базового для рассмотрения феномена идентичности. Так, в работе показано, что дискурсивные практики в силу своего динамического характера эволюционируют в исторической перспективе в связи с изменением ценностей социума или лингвокультурного сообщества, сохраняя ядерную структуру, что в корне отличается от ситуа-

тивной природы коммуникативной стратегии, ориентированности коммуникативных тактик на текущие условия общения. При этом дискурсивные практики обнаруживают большую степень рекуррентности и конвенциональности, стабильно распознаются членами социума и могут использоваться как шаблоны. Также отмечается, что дискурсивные практики в силу своей детерминированности социальными практиками способны упорядочивать социальную действительность, в то время как коммуникативные стратегии способствуют планированию и осуществлению успешной коммуникации [12, с. 132–133]. Указанные выше воспроизводимость, корреляция с социальными практиками, надындивидуальный характер дискурсивных практик регулярно постулируется в исследованиях данного объекта [1; 15]. Стоит подчеркнуть, что в дискурс-анализе отмечается способность дискурсивных практик выступать элементами конфигурации разных дискурсивных пространств, подобная возможности для индивида вести себя похожим образом в разных ситуациях [1; 7; 8; 13].

Очевидно, что возможность применения понятия дискурсивной практики относительно самоидентификации требует обоснования. Понимая идентичность как психосоциальный феномен и соотнося её с самоидентификацией как с процессом осознания собственной относительно неизменной данности, уникальности жизненного опыта и как с ощущением солидарности с социальными / групповыми идеалами и стандартами [16], мы неизбежно наблюдаем точки соприкосновения трёх рассматриваемых понятий: динамичности, установки лингвокультурного сообщества, социальной детерминированности. Основные результаты анализа в заявленном предмете настоящего исследования позволят сделать вывод о том, можно ли определить самоидентификацию как дискурсивную практику.

Моделирование идентичности творческой личности в медийном дискурсе

Сложность феномена идентичности в системе гуманитарного знания многократно отмечалась в исследованиях по лингвистике, социологии, социопсихологии и другим наукам. Понимание идентичности на различных уровнях — индивидуальном, личностном и социальном — акцентирует внимание исследователя на разных аспектах речевой самоидентификации: предикации как приписывании субъекту признака, оценочности как одного из этапов Эго-синтеза, отожд-

ествлении как солидаризации с групповыми или макросоциальными идеалами и стандартами [16]. В процессе самоидентификации субъект может актуализировать одну или несколько идентичностей: профессиональную, этническую, национальную, гендерную, религиозную, политическую и др., при этом они могут выстроиться в некую иерархию. Выбор доминирующей идентичности обусловлен психологическими, когнитивными, социокультурными, аксиологическими предпочтениями, а также ситуацией общения.

В лингвистике сложилась традиция лингвоперсоналогических исследований речи творческих элитарных личностей, однако говорить о разработанности проблемы самоидентификации художника представляется преждевременным. Основу для дальнейшего научного анализа могут составить работы, посвящённые самоидентификации художника (в широком смысле) в том числе в медиадискурсе [4, 9, 11].

В качестве материала для нашего исследования выбраны журналистские интервью с художниками: Георгом Базелитцем, Герхардом Рихтером, Улли Бёмельманн, Никасом Сафроновым, Верой Климентьевой и другими. При выборе персоналий важную роль играла вариативность их статуса как художника мирового, национального и регионального уровня. Маркером высказываний, которые были взяты нами для анализа вышеуказанного предмета, стала их сводимость к идентифицирующей пропозиции (самоидентифицирующей формуле (СФ) со структурой «Я — /таксономический предикат/», где таксономический предикат соответствует разным видам идентичности: этнической, национальной, профессиональной, гендерной, личностной, возрастной, психосоциальной. В этом смысле хотелось бы дистанцироваться от предельно широкого и от этого размытого понимания якобы идентифицирующих высказываний, в которых озвучиваются жизненные цели личности, ценности и многое другое. Самоидентифицирующая формула, на наш взгляд, не структурируется предикатом: «Я человек, для которого / важно творчество», так как самохарактеризация (какой я?) здесь доминирует над самоидентификацией как осознанием принадлежности к социально определенной группе индивидов (кто я?).

Для жанра медиа-интервью с точки зрения объективации идентичности характерна иницированная извне самоидентификация: вопрос журналиста обуславливает актуализацию топика идентичности и задает направление

самоидентификации — как правило, профессиональной, креативной, концептуальной:

Интервьюер: Первый вопрос — про твои реалии. Кто ты по профессии и кем работаешь?

ВК: С профессиональным самоопределением у меня немного более проблематично: я художник, но денег за это пока дают редко. (В. Климентьева).

Интервьюер: Можно сказать, что ты исследователь мира?

ПС: Да, конечно, исследователь. Я изучаю мир, он сам по себе интересен и красив, в нём столько всего нового, вселенная, коллаидеры, микромир. Просто это жизнь, она интересна сама по себе. (П. Сусов).

Тема самоидентификации в интервью актуализируется специфично, в том числе в силу того, что журналист «знает» ответ на вопрос, кто его собеседник и в шапке интервью иногда указывает его таксономические предикаты:

Интервьюер: У каждого знаменитого человека, особенно если он становится знаменитым долго и упорно, есть легенда. Есть она и у Никаса Сафронова: широкой аудитории известен образ удачливого авантюриста, мистификатора, плейбоя — то есть, не только художника, но и современного Казановы. (Н. Сафронов).

Интервьюер: Ein seltenes Interview mit dem teuersten Maler der Gegenwart. (Г. Пухтер) // Редкое интервью с самым дорогим живописцем современности.

На первом уровне обобщения отметим, что в проанализированных интервью актуализируются национальная, социальная, гендерная, профессиональная типы идентичности.

С точки зрения национальной идентичности интерес представляют не только лингвистические средства экспликации идентификаторов — прямые (национимы) или косвенные (локативы, топонимы), но и способ актуализации через ценностную составляющую:

ВК: Я чувствую себя русской до мозга костей в повседневной жизни и в общении с другими людьми, это культурный гэп (gap) (В. Климентьева).

С подачи журналиста, представляющего региональное онлайн-издание, художник косвенно высказывается о своей региональной идентичности:

Интервьюер: Однажды я общался с нашим с тобой земляком и задал ему вопрос, какой он поэт — Орловский или Московский. Он очень тонко ответил, что поэт он от Бога. Важно ли тебе считать себя частью Орла или нет?

ЛБ: Не знаю, важно ли? Это просто есть. Я плоть от плоти этой земли. Отсюда моя кровь и мои корни. (Л. Бутенко).

Для художника релевантны как гендерная идентичность (Владимир Маньяк как псевдоним художницы), так и социальная (*Ich kam aus bildungsfreier Gegend // Я родом из местности, где не было образования, Geboren als Sohn eines Arztes // урожденный сын врача*), религиозная («Всё обошлось благополучно, но я так расстроился, что начал ходить в церковь и воцерковился, теперь хожу регулярно»), мировоззренческая («Небезусловный такой я оптимист»).

На нашем материале представляется возможным построить модель профессиональной идентичности творческой личности как комплексного феномена, формирующегося на основе самореклексии.

Дедуктивно выводимым типом профессиональной идентичности мы считаем профессионально-креативную, этот тип воплощается в СФ «Я-Художник/творческая личность» // «Ich bin ein Künstler» и действительно реализуется в интервью:

Große Parteilinien. Das waren Dinge, mit denen ich immer konfrontiert war als Künstler... (Г. Базелитц) // Большие линии партии. Это были вещи, с которыми я сталкивался как Художник...

В этом контексте может стать актуальным также концепт «талант»:

Beim Bilder malen hatte ich ein Gefühl, dass ich etwas besitze, was man Talent nennt. (Г. Базелитц) // При рисовании картин у меня было ощущение, что я обладаю чем-то, что называют талантом.

Мы выявляем также профессионально-видовую идентичность — ориентированную на вид искусства или освоенные техники:

По профессии я — художник-постановщик мультфильмов (П. Сусов).

Мы выделяем также другие специфические для художников виды идентичности, частные случаи профессиональной идентичности: (1) профессионально-стилевую (СФ: «Я — /импрессионист/»), (2) профессионально-жанровую (СФ: Я-/портретист/») и (3) концептуальную (СФ: Я-автор/носитель художественной концепции»).

(1) *Am Anfang war ich durch die Parisreise surrealistisch orientiert. (Г. Базелитц) // Вначале я был ориентирован на сюрреализм.*

(2) *В коллаже я ценю иронию, парадоксальность, игру, элегантность, живописность. Поскольку я сам «бумажных дел мастер» — меня и тянет к таковым. (О. Грачев).*

(3) **Интервьюер:** «Много ли, на Ваш взгляд, сюрреализма в современном мире? Или оно только в творчестве, а мир исключительно реален?»

«На мой взгляд, мир исключительно реален. Это я хорошо понимаю как человек, окончивший технический вуз с красным дипломом. Технологические процессы котельного цеха, которым я руковожу, всегда требуют того, чтобы мысли мои были далеки от блаженных иллюзий. Но! При этом мир чрезвычайно парадоксален, и это уже не законы физики. Сюрреализм я себе позволяю только в творчестве, но чаще всего не в чистом виде (как Сальвадор Дали), а в небольших дозах». (П. Назим).

В аспекте профессионально-концептуальной идентичности художник часто не уточняет, носителем какой именно концепции она является, иногда достаточно подчеркнуть, что творчество, произведения концептуально нагружены: *Dass ich Bild benutze als Träger für eine Idee. Also nicht das Bild als Idee, sondern das Bild benutze als Träger einer Idee.* (Г. Базелиц) // *Что я использую картину как носитель для идеи. То есть не картина как идея, картину использую как носитель идеи.*

В контексте профессиональной идентификации может также стать актуальным уровень профессионализма и успешность, определим это как профессионально-статусную идентичность:

Интервьюер: Ты очень успешный художник, при этом многим ты не нравишься. Как-то рефлекслируешь по этому поводу? (В. Чтак).

Проведённый анализ позволили построить комплексную модель идентичности личности художника (рис. 1).

Как видно из уже приведённых примеров, объективация идентичности в рассматриваемой дискурсивной практике происходит посредством разных, часто непрозрачных, механизмов.

Дискурсивные механизмы актуализации идентичности творческой личности в медиадискурсе

Как уже отмечалось, существует представление о том, что в речи идентичность не актуализируется, как готовый, существующий в сознании субъекта идентификации конструкт, а структурируется здесь и сейчас, отвечая на ситуативный запрос [3]. На наш взгляд, подобная абсолютизация ситуативности не учитывает амбивалентности идентичности — единства убеждённости в своей принадлежности к некоему сообществу и/или в соответствии некоему статусу и открытого поиска самоопределения в каждый данный момент (творческого) существования.

Речемыслительные, дискурсивные механизмы, с помощью которых говорящий выстраивает в каждом данной тексте, можно соотнести с некими дискурсивными правилами [14], определяемыми как когнитивные и речеповеденческие модели, выработанные в данном типе дискурсивной практики и служащие основой для текстопорождения. Дискурсивный механизм в рамках данного исследования мы определяем как регулярно воспроизводимый способ реализации дискурсивной практики, выбираемый говорящим с опорой на ценностные доминанты лингвокультурного сообщества и объективируемый открытым набором языковых средств.

Рис. 1. Модель идентичности творческой личности
Fig. 1. Model of identity of a creative personality

Материал исследования позволяет для дискурсивной практики самоидентификации дифференцировать механизмы, которые мы определили как предикативно-идентифицирующий, суспензивные, modestивные и фокусирующие.

Идентификация как дискурсивный механизм воплощается в предикации субъекту речи имен с идентитарным потенциалом: художник, живописец, график, лепщик-модельщик и пр. Языковые средства, используемые для этого механизма: предложения идентификации «Я по образованию художник-постановщик», конструкции с союзом отождествления как «Я как живописец...». Такие структуры прямой предикативной идентификации соответствуют глубинной семантической структуре — идентифицирующей формуле (см. выше), к которой могут быть сведены высказывания с косвенно выраженной идентификацией, при этом учёт сегмента рассматриваемого дискурса и субъекта идентификации принципиально важен для возможности экспликации идентифицирующей формулы:

Интервьюер: *Какая техника Вам больше нравится: тушь, карандаш, ретушь или офорт, почему? Рисуете ли Вы красками?*

ПН: *Больше всего мне нравится рисунок карандашом. (П. Назим).*

Речь идет не только о предпочтении художника, но и о его видовой идентичности как графика.

Под суспензивными механизмами мы понимаем отстранение говорящего от стереотипного восприятия художника вообще и данной творческой личности в частности.

Отметим специфический случай конфронтации ожидаемой и постулируемой профессиональных идентичностей. Г. Базелитц в своих интервью неоднократно отрицает свою идентичность как художника и идентифицирует себя как живописца:

Ich bin kein Künstler, ich bin Maler. Künstler stellen sich dar, Maler malen Bilder, die sich darstellen. (Г. Базелитц) // Я не художник, я живописец. Художники изображают себя, живописцы рисуют картины, которые изображают себя / говорят сами за себя.

Ich habe hier in den letzten Jahren mich beschäftigt mit meiner Herkunft, mit den Verhältnissen, wo ich herkomme, meine Schulzeit, mit meiner Studienzeit, mit meinen Arbeiten, die ich als Kind gemacht habe. Als ich angefangen habe, mit der Vorstellung ich wäre Künstler. (Г. Базелитц) // Я в последние годы разбирался со своим происхождением, обстоятельствами, из которых я вышел, моя школьная

пора, годы моей учёбы в вузе, с моими работами, которые я сделал будучи ещё ребёнком. Когда я начинал, представляя, будто я художник.

Отрицание ожидаемой идентичности происходит посредством противопоставления постулируемой идентичности в противительных конструкциях, а также использованием сослагательного наклонения для актуализации семантики нереальности.

Идентификация себя как художника, творца противоречит дискурсивным правилам данного лингвокультурного сообщества, такие идентификаторы получают негативную оценку:

«Сейчас вообще всего полно. Миллионы креативных творцов всё доят и доят мировую корову новых идей. И, по моему мнению, она уже достаточно истощена — идеи-то уже в большинстве своём какие-то слабые и вторичные». (П. Назим).

«Знаешь, я вообще высокие слова не люблю, особенно когда их пытаются применить ко мне: Творец, Творчество, Искусство... Ну какое это нафиг искусство? Я это делаю, потому что меня прёт это делать, и всё». (Л. Бутенко).

Оспаривание стереотипов — еще одна интенциональная цель механизма отстранения. Творческие личности стремятся показать, что устойчивые ассоциации с их именем сужают восприятие их творчества. Так, Г. Базелитц чаще всего идентифицируется как художник-создатель перевернутых картин (профессионально-жанровая идентичность “upside down”), что представляется ему упрощением:

Man bringt einen Maler mit einem image, mit einem Bild in Verbindung. Da bin ich unzuverlässig... Bei mir sagt man dann upside down. Okey. Aber ich habe nicht nur upside down und auch diese upside down sehen so aus, als hätte den Max gemacht und den anderen der Arthur... (Г. Базелитц) / Живописца связывают с имиджем, с картинкой. Тут я ненадежен... Про меня говорят перевернутые картины. Окей. Но у меня есть не только перевернутые картины, и даже и эти перевернутые картины выглядят так, как будто одну сделал Макс, а другую Артур...

Ложная идентификация извне вызывает у художников чувство протеста:

Меня больше радикально-настроенные и не очень секущие свой предмет феминистки беспокоят: это для них я жертва патриархата в юбке и с красными губами, которую давно пора спасать от самой себя. (В. Климентьева).

Таким образом, суспензивный механизм — механизм отстранения от предубеждённости

социума — смещает фокус внимания с ответа на вопрос «Кто я?» на вопрос «Кем я не являюсь?».

Данный механизм сопряжен с механизмом modestного типа: отказом от самовозвеличивания, актуализацией скромности, неприятием хвастовства. Здесь в ряде случаев также возможно отрицание признания себя Художником, однако это не сопровождается негативным отношением к данному концепту:

Интервьюер: Ты считаешь себя художником?

АЧ: Не знаю, наверное. Я к этому спокойно отношусь: это не регалия, не звание, ничего. Если я стал работать в этой сфере, то, да, для удобства меня можно называть художником. (А. Чугунов).

То есть рисуящим человеком, художником, я себя не ощущал и ни на что не претендовал. Только в 23 года я решил получить хоть какое-то художественное образование. (П. Назим).

У меня как-то была возможность попроситься участвовать в выставке вместе с другими молодыми орловскими художниками. Подала я заявку, а потом посмотрела, а они там все такие просветлённые — кто русскую культуру возрождает, кто наполняет свои картины энергией света и добра, и все напропалую несут в мир радость, красоту, лучики любви, вот это вот всё — так я чего-то подумала и быстренько заявку забрала. Они хорошие ребята, но именно поэтому мне с ними не по пути. Не с моей мордой в этот калашный ряд лезть. У меня такой мрачненький в картинах, а я к ним... ну нафиг. (Л. Бутенко).

Данный механизм связан прежде всего с профессионально-статусной идентичностью. В рамках актуализации авторской скромности говорящий прибегает не только к автопейоративам или идиомам с семантикой преуменьшения заслуг, но и к переносу фокуса внимания с самоидентификации на внешнюю идентификацию:

Ходить в художественную школу помогла мама, прогульщик я был ещё тот, хотя там ко мне относились как к маленькому гению. (Д. Латышев).

Под фокусирующим дискурсивным механизмом мы понимаем необходимость для художника пояснить, что именно в данном акте самоидентификации является определяющим. Это релевантно для конструирования профессионально-креативной, профессионально-концептуальной субидентичностей:

Космоножка — это альтер-эго. То есть это я, но не совсем. И я — это не только Космоножка. Она появилась, когда я создавала свой первый

ЖЖ. Я искала подходящее слово для названия, и тут мне попало слово «космоножка». Знаешь, что это такое? Это старинное блюдо из простокваши и гречневой муки. И когда я это слово услышала, сразу поняла, что это моё имя. В нём в идеальных пропорциях сочетаются придурковатость и вселенский масштаб, космическая вечность на ладошке маленького мясного-костяного человечка. (Л. Бутенко).

Заключение

Дискурсивный подход к анализу феноменов идентичности и идентификации позволил определить их природу с позиций лингвистики. Идентификация в лингвистическом понимании может быть понята как дискурсивная практика, в рамках которой происходит конструирование идентичности в том или ином дискурсивном пространстве. Дискурсивная практика идентификации творческой личности реализуется в медиапространстве интервью в амбивалентном взаимодействии результатов постоянной саморефлексии и ситуативной реакции субъекта на установки социума, имплицитно или явно актуализируемые интервьюером. Для дискурсивной практики самоидентификации художника характерна множественность и избирательность — в процессе её реализации актуализируются те или иные элементы многоуровневой модели идентичности художника: гендерная, религиозная, социальная, мировоззренческая, профессиональная. Профессиональный уровень идентичности художника формируется креативной, видовой, статусной, концептуальной, стилевой, жанровой субидентичностями. Дискурсивная практика самоидентификации в медийном дискурсе реализуется посредством дискурсивных механизмов, формирующих в совокупности способ саморефлексии художника на надъязыковом уровне, интериоризованный данным лингвокультурным сообществом: предикативно-идентифицирующим (самоидентифицирующая формула на глубинном уровне), суспензивным (отстранение от стереотипов и установок социума), modestным (неприятие хвастовства, скромность), фокусирующим (расставление акцентов и прояснений концепций). Между механизмами и субидентичностями в дискурсивной практике может устанавливаться корреляция, например, суспензивный механизм чаще опосредует актуализацию профессионально-креативной или видовой субидентичности, а фокусирующий — профессионально-концептуальной.

Список источников

1. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации : монография / под науч. ред. Л. В. Куликовой. Красноярск: Сиб. федер. ун-т. 2015. 182 с.
2. Добросклонская Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2006. № 2. С. 20–33.
3. Енина Л. В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации // Политическая лингвистика. 2016. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-kak-diskursivnyy-kontsept-i-mehanizmy-diskursivnoy-identifikatsii> (дата обращения 12.02.2024).
4. Есин С. Н. Писатель в теории литературы: проблемы самоидентификации: Автореф. дисс... докт. филол. наук. Москва. 2005. URL: <https://cheloveknauka.com/v/184653/a?#?page=1> (дата обращения 12.02.2024).
5. Зачесова И. А. Повседневные дискурсивные практики городской среды мегаполиса // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности. 2018. С. 1803–1811.
6. Ильина И. Е., Морозова О. Н. Профессиональный дискурс индустрии красоты: от терминологии к убеждению // Современные дискурсивные практики: подходы и решения : монография. 2023. С. 57–73.
7. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 3-е изд. М. : Едиториал УРСС. 2003. 284 с.
8. Иссерс О. С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестник ОмГУ. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnaya-praktika-kak-nablyudaemaya-realnost> (дата обращения 07.03.2024).
9. Кочергин В. В., Кочергина И. А. К вопросу о самоидентификации писателя в интервью // Полилингвильность и транскультурные практики. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-samoidentifikatsii-pisatelya-v-intervyu> (дата обращения 12.02.2022).
10. Лаппо М. А. Сущность идентичности и методы ее анализа в лингвистических/психолингвистических исследованиях // Вопросы психолингвистики. 2014. 1 (19). С. 30–39.
11. Магидович М. Л. Профессиональная идентичность художника // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 3 С. 139–152.
12. Никонова Е. А. Дискурсивная практика и коммуникативная стратегия: эклектика vs полипарадигматизм? // Научный диалог. 2023. 12 (6). С. 123–139.
13. Новикова В. П., Баландина И. Д., Селютин А. А. Проблемы образования через призму кризисного дискурса (на примере англоязычных СМИ) // Вестник ЧелГУ. 2021. № 1 (447). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-obrazovaniya-cherez-prizmu-krizisnogo-diskursa-na-primere-angloyazychnyh-smi> (дата обращения 02.03.2024).
14. Порядина Р. Н. Дискурсивные правила как текстопорождающий механизм (на материале русских говоров Среднего Приобья // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 294. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-pravila-kak-tekstoporozhdayuschiy-mehanizm-na-materiale-russkih-govorov-srednego-priobya> (дата обращения 12.03.2024).
15. Чепкина Э. В. Практики конструирования поля политики в журналистском дискурсе // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktiki-konstruirovaniya-polya-politiki-v-zhurnalistskom-diskurse> (дата обращения 04.03.2024).
16. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. Москва : Прогресс, 1996. 344 с.

References

1. Diskursivnye praktiki sovremennoy institutsional'noy kommunikatsii = Discursive practices of modern institutional communication : monograph. Edited by LV Kulikova. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-ty, 2015. 182 p. (In Russ.).
2. Dobrosklonskaja TG. Mediadiskurs kak ob'ekt lingvistiki i mezhkul'turnoj kommunikatsii = Media discours as the object of linguistics und intercultural communication. *Vestnik Moskovskogo universiteta = Moscow University Bulletin. Serija 10 = Series 10. Zhurnalistika = Journalistic.* 2006;(2):20-33. (In Russ.).
3. Enina LV. Identichnost' kak diskursivnyy kontsept i mekhanizmy diskursivnoy identifikatsii = Identity as a discursive concept and discursive identification mechanisms. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics.* 2016;(6). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-kak-diskursivnyy-kontsept-i-mehanizmy-diskursivnoy-identifikatsii> (accessed 12.02.2024). (In Russ.).

4. Esin SN. Pisatel' v teorii literatury: problemy samoidentifikatsii = The writer in the theory of literature: the problems of identification: abstr. diss. ... Dr. Sci. (Philology). Moscow, 2005. 33 p. Available at: <https://cheloveknauka.com/v/184653/a/#?page=1> (accessed 12.02.2024). (In Russ.).
5. Zachiosova IA. Povsednevnye diskursivnye praktiki gorodskoj sredy megapolisa = Discursive urban practices of everyday life in megapolis. Psihologiya cheloveka kak sub'ekta poznaniya, obshcheniya i deyatel'nosti = Psychology of man as a subject of cognition, communication and activity. 2018. pp. 1803-1811. (In Russ.).
6. Ilyina IE, Morozova ON. Professional'nyy diskurs industrii krasoty: ot terminologii k ubezhdeniyu = Professional discourse of beauty industry : from terminology to belief. Sovremennye diskursivnye praktiki: podkhody i resheniya = Contemporary discursive practices: approaches and solutions : monograph. Tambov. 2023. pp. 57–73. (In Russ.).
7. Issers OS. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi = Communication strategies and tactics of Russian speech. 3-e izd. Moscow. 2003. 284 p. (In Russ.).
8. Issers OS. Discursivnaya praktika kak nablyudaemaya real'nost' = Discursive practice as observable reality. *Vestnik OMGU = Bulletin Of Omsk State University*. 2011;(4): 227-232. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnaya-praktika-kak-nablyudaemaya-realnost> (accessed 07.03.2024). (In Russ.).
9. Kochergin VV, Kochergina IA. K voprosu o samoidentifikatsii pisatelya v interv'yuu = On a question of the writer's self-identification in interview. *Polilingual'nost' i transkul'turnye praktiki = Polylinguality and transcultural practices*. 2014;(1): 143-148. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-samoidentifikatsii-pisatelya-v-intervyyu>. (accessed 12.02.2022). (In Russ.).
10. Lappo MA. Sushchnost' identichnosti i metody ee analiza v lingvisticheskikh/ psikholingvisticheskikh issledovaniyakh. = The essence of identity and methods of its analysis in linguistic/psycholinguistic research. *Voprosy psikholingvistiki = Questions of psycholinguistics*. 2014;(1(19)):30-39. (In Russ.).
11. Magidovich ML. Professional'naya identichnost' khudozhnika = Professional identity of artist. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii = Journal of Sociology and social Anthropology*. 2004;7(3):139-152. (In Russ.).
12. Nikonova EA. Discursive practice and communicative strategy: eclecticism vs poly-paradigmatism? *Nauchnyy dialog = Scientific dialog*. 2023;(12(6)):123-139. (In Russ.).
13. Novikova VP, Balandina ID, Selyutin AA. Educational problems from the perspective of crisis discourse (based on english mass media). *Vestnik ChelGU = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021;1(447):114-120. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-obrazovaniya-cherez-prizmu-krizisnogo-diskursa-na-primere-angloyazychnyh-smi> (accessed 02.03.2024). (In Russ.).
14. Poryadina RN. Diskursivnye pravila kak textoporozhdajushchiy mekhanizm (na materiale russkikh govorov Srednego Priob'ya) = Discursive rules as a text-generating mechanism (based on Russian dialects of the Middle Ob region). *Vestnik TomskGU = Bulletin Tomsk State University*. 2007;(294). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-pravila-kak-tekstoporozhdayuschiy-mekhanizm-na-materiale-russkih-govorov-srednego-priobya> (accessed 12.03.2024). (In Russ.).
15. Chepkina EV. The practices of constructing of political field in the journalistic discourse. *Vestnik NGU = Bulletin of Novosibirsk State University. Seria: Istorija. Philologia*. 2012;(6). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktiki-konstruirovaniya-polya-politiki-v-zhurnalistskom-diskurse> (accessed 04.03.2024). (In Russ.).
16. Eric H. Ericson Identity Youth and Crisis. Moskva. 1996. p. 344 (In Russ.).

Информация об авторе

У. А. Жаркова — кандидат филологических наук, заведующий кафедрой романо-германских языков и межкультурной коммуникации факультета лингвистики и перевода.

Information about the author

Uliana A. Zharkova — Candidate of Philological Sciences, Head of the Department of Romance and Germanic Languages of the Faculty of Linguistics and Translation.

Статья поступила в редакцию 17.08.2024; одобрена после рецензирования 13.09.2024; принята к публикации 24.09.2024.

The article was submitted 17.08.2024; approved after reviewing 13.09.2024; accepted for publication 24.09.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.